

РУССКИЙ
ДЕТЕКТИВ

а л е к с е й

Н А С Т

КРОВАВЫЙ ПАСЬЯНС

Алексей Николаевич Наст

Кровавый пасьянс

Серия «Русский детектив»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64931877

Кровавый пасьянс: роман / Наст А.: Центрполиграф; Москва; 2021

ISBN 978-5-227-09412-4

Аннотация

Сергей Ли, специальный агент особо секретного подразделения ФСБ, вылетает на Дальний Восток для проведения расследования. Задание у него простое: выявить и задержать агента иностранной разведки, прибывшего в РФ под видом циркового артиста на гастроли. Хитрость и особая опасность этой операции заключается в том, что Ли прибывает на место без всякого прикрытия, каждая собака в округе знает: прибыл спецгент из центра. Тут-то и выясняется, что ловить неуловимого шпиона ему придется в ситуации, когда за самим Сергеем началась настоящая охота.

Алексей Наст

Кровавый пасьянс

Серые темные тучи клубились, шли очень низко, давили своей мрачной массой.

Джип «Ниссан-Патрол» резко сбросил скорость, плавно вошел в парковочный ряд и затих в однообразной чередой японских внедорожников. Дородный человек, в расстегнутой короткой рыжей дубленке и классического покроя костюме, без шапки, морщась от холодного со снежной крупой ветра, выпрыгнул из джипа прямо в мокрую грязь, захлопнул дверцу и заспешил к дубовым дверям высотного здания с резными колоннами.

Он почти вбежал в вестибюль, нервно стянул дубленку, всучил ее опешившему дежурному полицейскому, пояснил кратко: «Некогда мне!» – и помчался к широкой, укрытой красной ковровой дорожкой, лестнице. Он побежал наверх, оставляя грязные следы.

Полицейский подошел к огороженной барьером раздевалке, передал дубленку гардеробщику, спросил:

– Кто это?

– Лакрионов. Мэр Сергеевска.

– Я-то думал.

– Э-э... Он друг...

– Чей?

– Чей, чей... Его.

Тем временем Лакрионов был уже в приемной. Сидевшая за тяжелым массивным столом из мореного дуба секретарша только чуть привскочила, но он уже ворвался в кабинет губернатора и замер.

Длинный стол для совещаний был заставлен бутылками с минеральной водой. Шуршали перебираемые холеными толстыми пальцами листки отчетов и справок – шло совещание. Лакрионов узнал всех «ментов»: начальника краевого управления МВД, начальников областного и городского управления, начальников ГИБДД и отделения МЧС, таможни, порта и прочих силовиков края. Не было только фээсбэшников. Губернатор исподлобья стрельнул в Лакрионова взглядом, но не пошевелился. Зачитывавший месячную сводку начальник городского УВД по инерции произнес еще несколько фраз:

– Таким образом, у нас в работе четыре организованные преступные группировки, три из них этнические – это китайская Ли Гуана, корейская Кима и вьетнамская Хэн Хана. Портовая группировка братьев Акашиных всем хороша известна... – Он умолк и тоже повернул голову в сторону дверей.

Лакрионов мимо сидящих за столом уверенно направился к губернатору.

– Что у тебя? – Губернатор откинулся на спинку кожаного кресла, взбудораженный вид друга не произвел на него ни-

какого впечатления.

– Читай. – Лакрионов всучил губернатору розоватый плотный лист бумаги, источающий нежный аромат духов.

Губернатор покорно начал читать вслух:

– «Свершилось! Не ищи меня! Я долго была рядом с тобой, но твой член всего шесть сантиметров, и я устала ничего не чувствовать, я женщина. А мой Дракон, хоть и карлик, даст фору любому из мужиков!»

Губернатор недоуменно воззрился на Лакрионова.

За столом начались смешки. Мэр Сергеевска стоял красный как рак, он не ожидал, что текст будет прочитан вслух.

– Саша, что за хрень? Член шесть сантиметров! Чей член? Твой?

– Ха-ха-ха!!! – Мужики за столом взорвались хохотом, совершенно не щадя самолюбия Лакрионова. Тот отвернулся и стоял спиной к силовикам, пока они бушевали, держась за животы. Даже друг-губернатор не сдержался, гоготал во все горло.

Отсмеявшись до колик в животе, через какое-то время, вытирая слезы, успокоились. Губернатор, ощутив после смеха прилив сил и бодрости, подергал убитого горем Лакрионова за рукав.

– Саша, сегодня же не первое апреля! Смешно, конечно, но что значит твоя клоунада?

– Какая клоунада?! – взорвался гневом Лакрионов. Стыд и бессилие сменились злобой. – У меня баба сбежала! С этим

самым Драконом...

Губернатор насупился, построжал.

– Зачем ты так? Мог отдельно со мной поговорить.

Кое-кто за столом все еще посмеивался, покачивая головой.

– Хватит! – хлопыстнул ладонью по столу губернатор. – Мы все интеллигентные люди, давайте вести себя соответственно... И что, Саша, ты хочешь от меня?

– Ты царь и бог! Верни ее!

– Зачем?

– Убью!

– Саша, как ты себя ведешь? Ты мэр города... Посмотри на меня, на них – вот нормальные мужики. А ты, как баба, нюни распустил... Шалава от него сбежала... С этим, как его, Драконом... Ты дурак, Лакрионов?! Да если это в газеты попадет, ты понимаешь, что с тобой будет?! А со мной?! А со всей нашей командой?! – Губернатор зло швырнул на стол «паркер» с золотым пером за пять тысяч долларов. – Мудак. Как ее зовут? Ольга, кажется. Иди, сядь, не стой надо мной!

Лакрионов покорно опустил на стул у стены. Губернатор молча перечел прощальную записку, проворчал:

– Дракон... карлик. Он карлик?

За столом опять прыснули.

– Карлик из цирка, – отозвался Лакрионов, глядя в пол.

– Какого цирка? Что там у тебя творится?!

Начальник краевого УВД твердым басом пояснил:

– Дракон, видимо, Лу Пычен – акробат, артист из тайваньской труппы. Цирк приехал на гастроли четвертого апреля. Три дня были выступления у нас здесь, потом они покочевали по краю – в Находке три спектакля, в Уссурийске – пять. Всего в труппе сорок человек артистов и обслуживающего персонала. Лу Пычен действительно карлик, и носит прозвище Дракон Любви.

– Николай Павлович, а ты почему так пристально взялся за тайваньский цирк? ФСБ у нас в крае крепкая, их дело...

– Мне цирк не нужен. Просто имею информацию, что Дракон Любви работает на тайваньскую разведку. До этого он работал в Гонконге, но его там легко вычислили. Долгое время он отсиживался на Тайване, теперь, видимо, у него новое дело – против нас.

– Это не секретная информация?

– Нет, информация открытая. ФСБ специально рассекретила Лу Пычена, чтобы он, поняв, что проиграл с самого начала, не делая глупостей, убрался подобру-поздорову. Наше управление в этой связи вело за Пыченом дополнительное наблюдение. Так, на всякий случай.

– Когда ты нашел записку? – обернулся губернатор к Лакрионову.

– Сегодня утром. Приехал к шести утра домой, с совещания, а ее нет, и записка на столе лежит.

– Знаю я твои совещания... Сбежала с Драконом... Надо ФСБ известить... Куда могли эти беглецы отправиться?

– Ясно куда – на Север, – сказал начальник УВД края. – В Комсомольске-на-Амуре комплектуют подводную лодку нового класса.

– Насчет Комсомольска – информация закрытая, – буркнул начальник отделения МЧС.

«Главный мент» ухмыльнулся:

– Эту закрытую информацию знает каждый житель региона.

Губернатор внимательно посмотрел на Лакрионова, произнес ободряюще:

– Не расстраивайся ты, плюнь. Она ведь у тебя кореянка, вот родная кровь разыграла, на Дракона ее потянуло.

Силовики скупно посмеялись шутке босса.

– Она вьетнамка, – пояснил Лакрионов. Своего друга сейчас он ненавидел.

Черная бронированная «ауди» с мигалкой на крыше неслась по улицам Москвы в сторону Кремля – через тридцать минут президент страны начинал совещание Совета безопасности. Глава Федеральной службы безопасности ехал в машине вместе с прилетевшим с Дальнего Востока начальником краевого управления и начальником ОСУ – Особого специального управления. Тревожную новость о побеге Дракона Любви сообщили в Москву еще вчера вечером – с утра уже прибыли дальневосточники. Принимать меры требовалось незамедлительно.

– Думаете, самым верным будет послать законспирированного суперагента? – спросил глава у начальников.

– Да, одного хватит. В сущности, у нас все под контролем, – начал дальневосточник.

– Кроме Дракона...

– Всех наших местных в лицо знают, поэтому просим человека из центрального управления.

– Не хочется трогать ребят из центрального управления, тут работы непочатый край, да и многие известны – думается, Дракона хорошо подготовили перед заброской к нам, и просветили насчет возможных агентов, которые будут ему противодействовать, в том числе и из центрального аппарата. Лучше привлечь секретников, так что задействуем ОСУ.

Глава ФСБ посмотрел на начальника дальневосточного управления, после обратился к главе ОСУ:

– Кого пошлешь?

– Серёжу Ли.

– Китаец? – Начальник дальневосточного управления удивился.

– Фамилия у него китайская... А он кореец, но русский...

– О-о, как все запущено!

– У нас только так!

Все скупно посмеялись.

Сергею было двадцать восемь, жил он с матерью в однокомнатной квартире на окраине Москвы. Раньше они жи-

ли в скромной квартирке еще советской постройки, почти в центре, жили скромно – мать работала врачом-педиатром детской поликлиники, а Сергей учился. С наступлением новых времен гигантской московской стройки, когда массово начали сносить старое жилье, чтобы на его месте возводить высотки, всем обитателям их старого дома было предложено переселиться в просторные новостройки на окраинах. Обмен был, можно сказать, честным: за свою квартирку мать Сергея, Зинаида Андреевна Крючевская, получила однокомнатную квартиру и солидную компенсацию в виде доплаты. Сергей на эти деньги купил себе подержанную иномарку. Правда, впоследствии Сергей, используя связи и возможности сотрудника ФСБ, из любопытства выяснил, что фирма, расселившая их дом, не доплатила каждому владельцу квартиры в старом доме весьма немалые деньги, кому-то даже и за миллион с лишним. Фирмачи, как всегда, хорошо нагрелись на госпрограмме. Но дергаться было бесполезно. Да и не таким Сергей был человеком, чтобы ходить по чиновникам, по фирмам, пытаться доказать явную несправедливость. Просто служил родине. Ну, обманули снова. Ну, время такое. Что бы правительство ни заявляло об основных ценностях и приоритетах, таких как хорошая жизнь обычных граждан, всем было понятно, что всегда найдутся проходимцы и негодяи, которые обгадят самую чистую и замечательную идею, обворуют, переведут деньги за границу, а после и сами съедут, чтобы остаток жизни счастливо купать-

ся в роскоши и хвастаться направо и налево своей пронырливостью и предпринимательской жилкой. Это нормально – об этом твердили сладостные фильмы Голливуда. Обычная мечта индивидуума. И если «американская мечта» – это стырить деньги, все равно где и как, и сбежать с ними в Мексику, то «русская мечта» – так же хапнуть деньжищ и сбежать с ними в Европу. Так что, выяснив неприятные подробности о московской программе расселения старых районов, Сергей удовлетворился тем, что новая квартира, пусть и совсем не в престижном районе, но просторная. И маме он тактично не стал объявлять результатов своего расследования, – зачем расстраивать, коли ничего сделать нельзя. Нервы надо беречь, особенно нервы любимой мамы...

Он совсем не походил на мать. Она такая маленькая, хрупкая, белокурая, с голубыми глазами и светлой кожей, он – типичный азиат: черная жесткая шевелюра, смуглая кожа, разрез глаз, скулы. Сергей был высокий, стройный, атлетичный парень. Он знал, что его отец был кореец, хотя с китайской фамилией – Анатолий Ли, видел его фотографию. И себя Сергей считал корейцем. Сергей носил фамилию отца, увлекался Востоком (Корея, Китай, Вьетнам), в совершенстве овладел единоборствами, знал восточную философию и с юности хотел служить в разведке. Стать разведчиком-нелегалом. Но восточные языки ему не дались. Ничего не вышло и из углубленного изучения английского. От карьеры разведчика пришлось отказаться – он стал обычным агентом Мос-

ковского регионального управления ФСБ, а потом его перевели в ОСУ – Особое специальное управление.

– Странно, мама, – как-то признался Сергей за обедом. – Я кореец, а родной язык мне не дается.

Мать снисходительно погладила его по голове.

– Серёжа, ты русский. Ты думаешь по-русски, ты говоришь по-русски, душа у тебя русская. И кровь русская наполовину.

– Физиономия корейская.

– Может, вьетнамская? – Мать хитро улыбнулась.

Эта фраза застряла в памяти. Что этим хотела сказать мать? Он знал, что много лет назад она работала по контракту в Социалистической Республике Вьетнам. Несмотря на продолжительный срок мирной жизни после чудовищной войны с США, жизнь во Вьетнаме никак не могла наладиться – там не хватало специалистов, царили разруха и голод. СССР бросил людские и материальные ресурсы для закрепления в Юго-Восточной Азии. Даже после развала Союза новая Россия еще продолжала присутствовать в Индокитае. В России зашумели «лихие девяностые», а во Вьетнам продолжали ехать строители, военные, учителя, врачи.

Больница, в которой работала мать, обслуживала три сельских округа и располагалась в русском городке при военно-воздушной базе. Одним из пилотов-инструкторов был майор авиации Анатолий Ли. Мать рассказывала, что они с отцом долго скрывали друг от друга обоюдную симпатию,

и только когда контракт матери окончился, произошло объяснение. Они решили пожениться. Но до отъезда матери не успели, поженились только через два месяца, в Москве. После свадьбы отец продолжал служить во Вьетнаме, мать в Москве ждала ребенка – Сергея. Но во время очередного отпуска отца они вдруг приняли решение расстаться. Мать вырастила Сергея одна. Когда мальчику было десять лет, мать снова собралась замуж. Решила связать свою жизнь с коллегой, доктором по фамилии Негратов. Но прямо в ЗАГСе что-то случилось, и Негратов после короткой, но энергичной ссоры сбежал от невесты. После этого мать отказалась от фамилии первого мужа, Ли, и вернула себе девичью – Крючевская.

Работая в центральном управлении, Сергей частенько вылавливал для себя любопытную информацию. Станный развод матери с отцом-летчиком не давал ему покоя, а тут еще эта фраза про вьетнамца... Сергей порылся в архиве ЗАГСа... Выходило странное – мать с отцом, по словам матери, поженились через два месяца после объяснения и, скорее всего, до бракосочетания близки не были. Если взять дату рождения Сергея, срок беременности был явно меньше девяти месяцев. Намного меньше...

А еще в Сергее возбуждал любопытство затейливый фарфоровый сервиз из шестнадцати предметов – вещь ужасно дорогая. Мать сказала – это подарок вьетнамских друзей. Все это было очень странно, но расспрашивать мать более

подробно было неловко. По существу, какая Сергею разница? Те давние дела принадлежат только матери и отцу. Но Сергей подозревал – его рождение было окутано какой-то тайной...

Командировку на Дальний Восток он воспринял спокойно. Матери сказал коротко:

– Еду в порт Дальний, буду позванивать...

Из Москвы Сергей и группа оперативного планирования центрального управления полетели в Хабаровск. Совещание проводилось в региональном управлении ФСБ по Хабаровскому краю. В дело были посвящены не только хабаровчане и приморцы, но и сотрудники отделения ФСБ Комсомольска-на-Амуре.

– Охрану завода мы усилим – это понятно, – заявил директор комсомольского отделения. – Только к нам ваш Дракон просто так не сунется. Ему и в нашем главном порту дел хватит. Предприятие номер 14 изделие Б нам собирает. Это куда круче. А у нас в Комсомольске что – корпус.

Начальники краевых управлений переглянулись.

Сергей согласился:

– Я тоже думаю, что надо отработать столицу Приморья. Там сильная китайская община, много незаконных тайваньских эмигрантов.

И консульства там. В случае успеха Дракон может, наплевав на приличия, прямиком туда сигануть...

В самолете, сидя рядом, прикидывали с начальником приморского управления так и сяк.

– Думаю, сочинять легенду и работать под иммигранта или чужого разведчика нет смысла. Более уместным считаю прямолинейные действия – я агент из Москвы, приехал ловить шпиона-Дракона. Поеду сначала к корейцам, потом к вьетнамцам. Отсеку эти общины от китайских эмигрантов.

– По-другому, видимо, не получится. У нас в диаспорах свои осведомители есть – будем снабжать тебя информацией. Напарник будет у тебя проверенный – Лёня Арахов, личность в Приморье известная.

– Кому известная? – улыбнулся Сергей.

– Шантрапе, с которой будешь работать.

Самолет пошел на посадку. Сергей смотрел в иллюминатор на город внизу. Он не знал, да особо и не задумывался, почему именовал про себя (а иногда и в разговорах проskalзывало) этот наш великий, уже миллионный русский мегаполис, расположенный на самом краю государства, именем Дальний. Порт Дальний. Легендарное имя. Но это название другого города. Совершенно другого!

Германские инженеры, работавшие в Китае, в девятнадцатом веке построили морскую крепость Порт-Артур в незамерзающей гавани Ляодунского полуострова, на самом краю Квантунского выступа. Военно-морская база китайского флота была головной болью для колонизаторов-японцев. Во время Японо-китайской войны база после длитель-

ной осады была разгромлена и захвачена японцами, но под давлением европейских держав ее пришлось вернуть Китаю. Китай, прося защиты от Японии, отдал Ляодун с Порт-Артуром и городком Далянь России. Русские сделали из Порт-Артура военно-морскую базу, чтобы сдерживать агрессию Японии, а Далянь превратили в нормальный гражданский город-порт Дальний. Люди селились, жили обычной простой жизнью: в гавань приходили торговые суда, строились обширные склады, магазины, таверны, гостиницы, на рынках было не протолкнуться от китайцев, привозивших на продажу продукты полей, рыбу и дары моря, птицу и скот. Город рос, и все было замечательно, но не долго...

В 1904 году разразилась кровавая Русско-японская война: Япония продолжала колонизировать Китай, и Россия ей очень мешала. Японский флот атаковал Порт-Артур. Война бушевала на Ляодуне и полях Маньчжурии. Малочисленная русская армия терпела поражения по вине бездарных генералов, откатываясь на север Китая; Порт-Артур и порт Дальний после длительной героической обороны были сданы. Но в 1905 году положение изменилось. Японцы выдохлись, израсходовав свои военные и экономические ресурсы, а русские, наоборот, накопили огромные резервы на Дальнем Востоке, чтобы обрушиться на захватчиков сокрушительным ударом. Но не успели – государство не выдержало напряжения, и прежде всего – из-за положения внутри России. В 1905 году американцы по просьбе Японии уговорили царя

Николая Второго остановить войну, чтобы он развязал себе руки для подавления первой русской революции, которую щедро спонсировала японская внешняя разведка. Какой Дальний Восток, когда в Питере и Москве кровавая баня?! В результате позорного мирного договора два ключевых порта на Ляодуне были для России утрачены. Был отдан Южный Сахалин, русские ушли из всей Маньчжурии, которую поработили японские колонизаторы. Поражение в этой войне очень долго аукалось нашей родине. В 20-х годах японцы оккупировали Приморье и Забайкалье, намереваясь отторгнуть эти территории, и с большим трудом были изгнаны оттуда. В 30-х – битвы на озере Ханка и реке Халкин-Гол; всю Великую Отечественную войну японская миллионная Квантунская армия грозила ударом России в спину, из-за чего приходилось держать в Приморье, Забайкалье и Монголии до сорока дивизий, которых так не хватало для битв с фашистскими агрессорами под Москвой и в Сталинграде. Но в августе 45-го пришла расплата. За две недели Япония была разгромлена советскими армиями, Порт-Артур и порт Дальний вернулись в русскую юрисдикцию. Сталин за помощь Китаю в освобождении от японского порабощения получил в аренду на тридцать лет Порт-Артур и порт Дальний, с дальнейшим бессрочным продлением аренды. Хрущёв, такой же кровавый политик, что и Сталин, которого он разоблачил на XX съезде (Сталин даже писал Хрущёву в Сталинград на расстрельных списках правых и виноватых

во время героической обороны города: «Никита, уймись!»), не обладал умом и дипломатическими талантами отца народов. Хрущёв перессорился с главой новообразованной КНР Мао Цзэдуном, и тот разорвал отношения с СССР. Русские окончательно ушли из Порт-Артура и Дальнего в 1955 году. Теперь Дальний – это многомиллионный мегаполис Далянь. Порт-Артур теперь всего лишь один из районов этого мегаполиса под названием Люйшунькоу.

Так думал Сергей.

Он снова посмотрел в иллюминатор на плывущий навстречу внизу город-порт. Почему же он называл этот город Дальним? Ведь есть еще более дальние: на Камчатке – порт Петропавловск, на Чукотке – Анадырь... Почему Дальний?

Колеса самолета коснулись полосы, легкая встряска и ощущение скорости – они уже на земле. Несутся. Торможение, реверс. И спокойное, плавное движение. Прилетели. Еще несколько минут, и самолет встал. Экипаж поблагодарил за полет, прошел на выход, а теперь можно и пассажирам. Сергей еще раз посмотрел в иллюминатор. Как там снаружи? Темное, укрытое тяжелыми тучами дальневосточное небо сверху, мокрая бетонка, самолеты в ряд. Воздушная гавань. А что, он разве ближний, этот городище, даже если сравнивать с Камчатским краем и Чукоткой? Конечно, Дальний! Вон, Япония напротив. Самая главная американская военная база у русских границ, самый опасный сосед, который всю историю сосуществования вечно алчно зарился на

российские земли. Япония!

Сергей усмехнулся. А ведь по договоренности с союзниками на Потсдамской конференции 1945 года, после победы над Японией, им отдавали для оккупации юг Кореи, а они должны были отдать СССР для оккупации остров Хоккайдо – уже были приготовлены войска для вступления на остров, но американцы опротестовали свое согласие. И Сталин не стал спорить. Почему? Одному богу известно. США и Курилы считали частью Японии, но их взяли боем без спроса согласия союзников. А на Хоккайдо не пошли. А то была бы не только Северная Корея, но и Северная Япония! Кстати, есть такое японское аниме – «Выше облаков», там у них две Японии, капиталистическая и социалистическая на Хоккайдо.

Сергей снова усмехнулся, теперь саркастически. Пусть живут самураи, теперь другие времена. А вековая народная мудрость, она снова права: за добро всегда приходится платить тому, кто его делает. Не вторглись мы на исконную территорию Японии, на Хоккайдо, и что имеем теперь? Требуем отдать Южные Курилы! Вот так вот! Дай палец, и тебе руку откусят! Ладно, хрен с ней, с Японией. У него сейчас другая головная боль – тайваньская!

Сергей на выходе из самолета с любопытством смотрел на здание аэропорта, на сумрачное, укрытое тучами небо. Когда вышел из самолета на трап, порыв ветра резанул по лицу каплями первого дождя.

Внизу ждал стального цвета джип «Ниссан». Подтянутые

дядьки в плащах исподлобья глядели мимо Сергея. Начальник краевого управления махнул ему рукой:

– Это за мной. Значит, действуй, как договорились.

Он сел в джип, дядьки попрыгали в салон. Джип развернулся и помчал прочь мимо самолетов. Ну и ладно! Сергей нахлобучил на глаза лыжную шапочку с помпоном, поднял воротник старой кожанки.

В здание аэровокзала он попал вместе с обычными пассажирами. Арахова он узнал сразу. Массивный stodвадцатикилограммовый кабан под два метра ростом, без шапки, стрижка под расческу, брезентовая ветровка расстегнута – тугое пузо обтягивала футболка. Спортивные штаны и кроссовки дополняли наряд. На толстом пальце он покручивал связку ключей. Сергей подошел к нему вплотную и встал, испытующе глядя в глаза. Гигант ухмыльнулся:

– Ты суперагент?

– Сергей, – протянул руку Сергей.

– Леонид.

Они обменялись рукопожатиями.

– Пойдем. Размещу тебя. Что пожитков мало захватил?

– Хватит.

– Сейчас смена времен года – то тепло, то холодно.

– Я знаю.

– Неразговорчивый ты. Китаец?

– Кореец.

– Что-то не похож на корейца.

– В корейцах разбираешься?

– Я сам кореец... Ха-ха-ха. В душе.

– Тогда понятно, почему я на тебя не похож.

На привокзальной площади было тесно от японских легковушек. Глаз сразу выхватил из этого расписного импорта отечественную «Ладу-Приору».

– Моя, – похвалился Арахов.

– Личная?

– А то! Месяц назад купил!

Неспешно уселись. Арахов, оглядываясь назад, стал выводить свое «сокровище» из парковочного ряда.

– Где столько денег взял? В кредит?

– Нет, за живую наличность.

– С каких доходов? – наивно спросил Сергей.

– Иди ты! Ты суперагент ФСБ, а не налоговый инспектор.

«Приора» развернулась. Арахов, посмеиваясь, переключил скорость и выжал газ – машина дернулась. Водительский опыт у Арахова был явно не богатый. Но постепенно ход выровнялся, и покатали по улицам с ветерком.

– Куда едем? – спросил Сергей.

– Ко мне. Живу я один. Да, вот тебе фирменный мобильник – там встроенный маячок, даже при отсутствии аккумулятора подается сигнал. – Арахов извлек из бокового кармана ветровки навороченный айфон, протянул Сергею, потом мотнул головой: – Нет, это мой. Твой в бардачке. Возьми.

Сергей извлек из бардачка бюджетную модель скромного

смартфона.

– Сейчас пожрем у меня, а потом поедем к братьям Акашиным.

– Кто такие?

– Бандиты. Представлю им тебя. Тыр-пыр, пацаны, надо поймать шпиона, то-се, обороноспособность государства...

– И что?

– Ничего. Слух о тебе пойдет. Корейцы на тебя сами выйдут.

– А чем они заведуют, эти Акашины?

– Менты тебе более точно могут поведать. Что ты детские вопросы задаешь? Бандиты деньжищи гребут...

– Понятно.

– Слушай, а правда, у мэра Сергеевска хрен всего шесть сантиметров? Что у вас в Москве по этому поводу говорят?

Сергей усмехнулся. Содержание знаменитой записки стало достоянием российского народа – неизвестно как, но московские средства массовой информации получили текст, и многие, падкие на дешевые сенсации, выпустили пространные статьи о политическом кризисе на Дальнем Востоке, приводя семейную драму горе-мэра Сергеевска в качестве доказательства.

– Опять же, непонятно, шесть сантиметров – это в спокойном состоянии или уже в стоячем, – управляя машиной, рассуждал Арахов с серьезным видом. Он повернул к Сергею хитрую физиономию. – Как думаешь?

– Не знаю.

– Да, такому мэром уже не быть. Ну, сам посуди, кому приятно – живешь в городе, а у мэра прыщик... Несерьезно. О, приехали.

«Приора» завернула к панельной девятиэтажке.

– Живу я посередине – на пятом этаже. Пойдем пешком.

Сергей, задрав голову, посмотрел на балконы пятого этажа. На одном из них, заполненном всякой дрянью, болтались на веревке звездно-полосатые трусы огромного размера. Ухмыльнувшись, Сергей поправил шапочку.

– А что пешком? Лифты не работают?

– Лифт работает. – Арахов пиликнул сигнализацией, отойдя на пару шагов от машины, попиликал еще, успокоился. – Вдруг свет отключат? Застрянем. А я жутко боюсь в темном лифте сидеть. Один раз было со мной такое приключение, теперь хожу пешком.

– Понятно.

Стали неспешно подниматься наверх. Стены были исписаны ругательствами и похабными стишками, кое-где попадались «фрески».

– Чё так похабно в подъезде? – спросил Сергей. Видеть такое ему было непривычно: в Москве следили за состоянием подъездов.

– Очередь на капремонт большая.

– Сами бы скинулись.

– Блин, тебе мэром работать. Мы и так бешеные комму-

нальные платежи платим! Еще и скидываться дополнительно. Мне эти надписи и рисунки не мешают. И вообще знаешь сколько этим картинкам лет? Они уже как культурное наследие! Может, это мое поколение пи сало и рисовало, когда детьми были! Сейчас молодежь не такая. Они все в Интернете, все за компьютерами, все в мобильники уткнувшись. А мы тусовались в подъездах, ну и писали всякое. Энергии много было. Надо было сказать миру свое. Во, видишь, надпись: «Даша – б». Кто такая Даша? Почему она б? А она, может, живет на верхнем этаже, и ходит каждый день мимо, и молодость вспоминает...

– Тоже лифтов боится? – хмыкнул Сергей.

– Почему?

– Ты говоришь: ходит. С верхнего этажа удобнее на лифте спуститься.

– А она ходит, когда ностальгирует. Муж достанет своей нудностью, она сюда идет, нервы успокоить.

– Чё, правда? Знаешь ее?

– Кого?

– Дашу б.

– Какую Дашу? Я тебе гипотетически сказал, а ты давай к словам цепляться! О! – кивнув на один из рисунков из «Камасутры», Арахов спросил: – Баб дерешь в командировках?

– Это моя первая командировка из Москвы.

– Ясно. А я думал, ты правда суперагент, Крым и рым прошел, эдакий бэтмен и супер-бой.

– В Крыму не был.

– Ха-ха. Это присказка такая. Поговорка. Понимаешь?

Поговорка – знаешь, что такое?

Сергей усмехнулся, дернул головой – достался ему в напарники балабол.

– А я деру. Приезжаю в город – и первым делом к бабам. Батон у меня неутомимый. Везде баб драл – в Хабаровске, в Находке, в Благовещенске. Даже в Еврейской автономной области. Знаешь там кого драл? Еврейку? Не. – Арахов, веселясь, ждал реакции Сергея. – Ха-ха. Корейнку. Маленькую такую, совсем малюсенькую.

– Несовершеннолетнюю?

– Трудно ты воспринимаешь русскую речь. Маленькая, значит, росток у нее вот такой – метр сорок. Представляешь, пихаю ей в рот – мой батон ей не влезает. Пасть у нее маленькая... Намаялся я с ней.

Поднялись на площадку пятого этажа. Арахов направился к обитой деревянными дощечками двери, единственной такой старой на площадке – остальные были новые стальные, коричневого цвета, стал скрупулезно отмыкать четыре замка.

– Здесь я живу. Сейчас пожрем.

– Не беспокойся, я не очень голоден. – Сергей старался быть в рамках приличия, хотя уже понял: Арахов мужик простой, с ним чем естественнее себя будешь вести, тем лучше.

– Дак я голоден. Ужасно. – Арахов отомкнул последний замок и толкнул дверь. – Как говорил Карлсон в мультфильме: «Ну и ты заходи».

Сергей оказался в просторной прихожей, бросил сумку с вещами на тумбочку. Арахова видно не было, но за дверью туалета кряхтел знакомый голос:

– Ты проходи, Серёга, раздевайся. Можешь воду в ванну пустить. А у меня живот прихватило.

Снова ухмыльнувшись, Сергей заглянул в большое настенное зеркало, пригладил волосы. Итак, у него ответственная работа в этом живописном месте страны, и он ее сделает на «пять с плюсом».

Большая комната в квартире Арахова напоминала комнату для хлама: по всему полу, на письменном столе, на раздвинутом диване валялись выстиранные носки черного цвета. В кресле и за креслом громоздились стопки старых книг. Стены в скромных обоях украшало множество рамок, где под стеклом на матовом фоне крепились мумии жуков, пауков и каких-то совсем неизвестных Сергею насекомых. На полу у стены, напротив дивана, стоял тонкий телевизор модной модели 126-й диагонали, рядом проигрыватель дисков с пятью колонками – домашний кинотеатр, и картонная коробка, набитая дисками с порнографией. На столе стоял раскрытый ноутбук: на открытой странице была масса фотографий с порнофейками голливудских актрис – все дивы радостно улыбались, выставляя напоказ свои сокровенные места. Сер-

гей весело ухмыльнулся. Да, Арахов действительно прост – весь на виду, живет без головной боли о ближайшем будущем, любит секс и насекомых.

В комнату вошел Арахов с полотенцем на голове – тер мокрые волосы, – после туалета не только руки помыл, но и голову.

– Присматриваешься? Диски – старье. Теперь вся новая порнуха из Интернета. Я телик к ноутбуку через VGA подцепил и по большому экрану, со всему подробностями... Порно смотришь?

Хмыкнув, Сергей пожал плечами.

– А я, когда нет командировок, периодически просматриваю новые ролики, коротаю вечера у телевизора за рукоблудием.

– Ого. Ты открыто говоришь всем, что занимаешься онализмом?

– Я же свой гоняю, не чужие. Ха-ха. Люди понимают. Мыться будешь?

– Ты говорил, поедem в порт.

– Чё, невымытый поедешь?

– А что, на смерть везешь?

– Просто спросил. Как-никак с дороги, потный там, не комфортно тебе.

– Мне комфортно.

– Ладно, супер, будем придерживаться твоих планов. Пожрем?

– Хорошо.

Кухня у Арахова находилась в куда более пристойном состоянии – пол, выложенный крупноформатной плиткой, натерт до блеска, обеденный стол чистый, в аккуратной плетеной хлебнице ломтики ржаного хлеба. Двухметровый холодильник «Самсунг» стального цвета, совсем новый. Разделочные столы и навесные шкафчики, явно кустарного производства, оклеены пленкой под дерево, чистые. Оригинальной формы электрочайник с подсветкой, черная микроволновка с грилем, такая же черная машина для приготовления кофе. Еще кулер с бутылем привозной отфильтрованной воды.

– Приятно у тебя, – сказал Сергей, усаживаясь на табуретку у стола.

– Ну, дак, – согласился Арахов, нырнул в холодильник, извлек три упаковки китайских пельменей. – У нас сегодня пельмени «Великая Стена». Ел такие?

– Чем от русских пельменей отличаются?

– Как чем? Змеиный фарш.

Арахов всыпал пельмени в стеклянную кастрюлю, добавил немного воды, посолил.

– Через пять минут будет прекрасное варево! Микроволновка – незаменимая вещь на кухне, особенно для холостяка. Все быстро и вкусно.

– Правда змеиный фарш?

– Чистая свинина. Ли, ты доверчив, как ребенок. Даже

славяне любят обувать простаков на всю катушку, не говоря уже о твоих собратях азиатах.

Через пять минут уже ели, обжигаясь горячим бульоном, сдобренным черным молотым перцем и уксусом.

– Русские – европейцы? – спросил Сергей.

Арахов пережевывал пищу с явным удовольствием. Смакуя, поливал ломтики ржаного хлеба шашлычным кетчупом и заедал ими вариво. Вздыхнув, он немного отодвинулся от стола.

– А кто? Думаешь, такие же, как вы?

– Блок писал: «Да, скифы мы, да, азиаты мы, с раскосыми и жадными очами».

– Насчет жадных глаз – это точно. Знаешь, Серёга, мне плевать, кто русские – европейцы или азиаты, сам я татарин.

– Ты-ы? Что-то не похож, – сказал Сергей.

– Милый мой, триста лет татарского ига! Все мы татары!

– Не верю. Покажи свидетельство о рождении.

– Ага, сейчас, метнулся. Ты думай головой. Фамилия у меня какая? Арахов. Сразу понятно. Был там хан какой-нибудь татарский, мелкий, не сильно знаменитый. Арах-хан. Например. Вот. Как в комедии «Иван Васильевич меняет профессию»: ты чьих будешь?.. Что такое: чьих будешь? Чей холоп, спрашиваю?! Вот, Арахов холоп. И фамилия от хана пошла.

– Ну, были твои предки ханскими холопами, но не факт, что были татарами, может, они были пленными мастерами там или воинами-наемниками. Гумилёв много на эту тему

писал, что русские активно служили ханам.

– Забудь Гумилёва – всю жизнь в библиотеках сидел, из пальца свои теории высасывал...

– Да ты физически не похож.

– Угомонись. Шучу я. Уж и пошутить нельзя. Русский я, русский. Как в одном старом КВНе было: партизаны мужика в лесу поймали, требуют, докажи, что русский, а то в расход пойдешь! А тот: «Да русский я, русский! Я за гаражами ссал!»

Сергей хмыкнул, покачал головой, продолжая есть. Спросил:

– А ты ссал за гаражами?

– А где еще ссать в русском городе русскому мужчине? Туалетов по городу нема! А после пивка за любым кустом отольешь!

– Понятно.

– Что тебе понятно?! Да, Ли, с тобой сложно. Шутки надо понимать на лету. Может, тебя из-за этого тугодумия к нам отправили! – хохотнул Арахов. – В провинцию. Жизни настоящей хлебнуть.

Придвинув тарелку, он снова принялся за пельмени.

Сергей наелся.

– Лёня, любовницу Лакрионова звали Ольга? Кто она?

– Баба.

– Где подцепил ее мэр Сергеевска? Почему ее допустил к себе Дракон?

– О, друг, твой интерес мне понятен. Ты не думай, что Лёнчик Арахов тупой боров, которому только бы позубоскалить... Видишь черную папочку на подоконнике? Возьми ее.

Сергей взял папку. Открыл. На него смотрела очень красивая азиатская девушка. Фотография была черно-белая, выполненная в ателье, – художественное фото. За фотографией следовала официальная биография Лан Жи Су, которую в народе звали русским именем Ольга. Двадцать шесть лет, вьетнамка. Работала переводчиком в городской администрации города Сергеевска. Гражданка России. Отец – Хэн Хан, гражданин России, владелец сети вьетнамских ресторанов «Вьет-Тао».

– Хэн Хан? – отвлекся от бумаг Сергей.

– Да, она дочь главаря вьетнамской мафии...

– Что она делала в мэрии?

– Работала переводчиком. Дети за родителей не отвечают.

Ведь так? – Арахов хитро прищурился.

– Но ведь... вьетнамцы могли влиять на Лакрионова.

– Вот-вот, копни наши дебри – пусть в Москве за головы возьмутся. Тут давно все влияют – и вьетнамцы, и японцы, и корейцы. И особенно друзья из Поднебесной!

Поехали в порт. По дороге Сергей посмотрел материалы. В черной папке была краткая справка и о братьях Акашиных. Валера и Коля, ныне Валерон и Колян, с детства были дворовыми хулиганами. Отсидев по небольшому сроку в колонии общего режима, братья решили напрямую в конфликты

с законом не вступать, создав для этих целей многочисленную преступную организацию – подчиненные братьям бригады «опекали» мелкие городские рынки и крупные оптовые фирмы, снабжали матросов проститутками, занимались контрабандой. Завели связи на таможне и в порту. Со временем Акашины стали владельцами нескольких транспортных судов, которые вывозили из Японии подержанные иномарки, и трех рыболовных траулеров, которые, ведя хищный лов в акватории Охотского моря, наоборот, ввозили в Японию морепродукты.

– У тебя с ними хорошие отношения? – спросил Сергей.

Арахов внимательно следил за дорогой, вцепившись в руль.

– Разговариваем иногда.

«Приора», порывав в узких проходах между штабелями морских контейнеров, вынырнула на открытое пространство к белой будке. На звук двигателя из будки вышли два жующих накачаных амбала в черной форме охраны.

– Чё? Здесь нельзя!

Узнав Арахова, амбалы смягчились, растянули губы в улыбках.

– Леонид Сергеевич, опять к нам?

– К Валерону с Коляном, – отозвался из машины Арахов.

– Езжайте. Они у себя.

Арахов газанул – «приора», дернувшись, поползла дальше. Сергей в зеркало увидел, что один из амбалов уже докла-

дывал по мобильнику о визите фээсбэшников. Вскоре показало двухэтажное кирпичное здание с большими окнами. У здания стояли три внедорожника «Ниссан» и брюхатый дутый «Мерседес», совсем новый. Сергей отметил – группировка Акашиных не бедствовала. «Приора» тормознула перед широким крыльцом. Из распахнутых дверей здания показались два обритых налысо крепко сбитых мужика.

– Они, – сказал Арахов.

Валерон и Колян чем-то напоминали колобков – широкие, коротконогие, лобастые. Пальцы на руках толстые, костяшки сбитые – эти ребята не гнушались мордобоем. Они ели глазами лицо Сергея. Арахов уже вылезал из машины.

– Привет, бандюки!

Он обнялся с первым колобком, потом со вторым. Второй хмыкнул:

– При посторонних мог бы так не шутить.

Сергей тоже вышел из машины. Арахов его представил:

– Суперагент из Москвы. Сергей.

Бандиты посмеялись, пожали Сергею руку.

– Будем знакомы.

– Мы насчет Ольги, – сказал братьям Арахов.

Братья вздохнули.

– Проходите в офис.

Внутри здания было людно: на первом этаже, представлявшем обширный зал, тусовались боевики братьев – человек тридцать. По винтовой железной лестнице пошли на-

верх. Через узкий коридор, заставленный картонными коробками с «серыми» смартфонами тайваньской сборки, пробрались к двери в кабинет.

В кабинете стоял черный зеркальный стол с телефонами и положенными письменными аксессуарами. Братья сели в кожаные кресла, гостям предложили стулья. Один из братьев, подкатившись на кресле к черному шкафу, выставил на стол литровую бутылку водки.

– Выпьем, – сказал он просто и, вслед за бутылкой, достал стаканы. – Валерон, расскажи агенту про Ольгу.

Валерон, закурив, прищурился от дыма.

– Значит, Ольга была шлюхой. Кликуха – Ханойская Дырка. Это не мы прозвали, сами вьетнамцы. Приехали к нам с папашкой, что-то у них там на родине не заладилось – прибыли сюда как незаконные эмигранты. Мы тогда с Коляном мелко плавали – палатки трясли, девок на корабли водили, лохов на японские иномарки обували: привезут матросы из рейса машины, а мы их за яйца и снимаем тачки по «оптовой» цене.

– Что про нас говорить – Лёнчик все знает, – сказал Колян, наливая водку в стаканы.

– Короче, Ольга с папашкой повздорила, ушла из диаспоры, язык легко выучила. Мы ее взяли в оборот, подыскивали богатых клиентов. Потом у нас в Сергеевске дело наладилось – начали икру катать, а чтобы мэр не бурчал, короче, свели его с Ольгой как с бизнес-леди. Она стала любовницей Ла-

крионова, но держали мы ее на коротком поводке: грозили рассказать, кто она на самом деле. Иногда возили трахаться к нужным людям. Где она этого Дракона нашла – понятия не имеем. Искать будем.

– Не будете, – сурово сказал Сергей.

Все вчетвером выпили. Братья легко согласились.

– Ладно, сам ищи. Только потом нам ее верни, она нам должна...

– А папашка возражать не будет? Все-таки дочь...

– Видимо, круто они поссорились.

Колян опять наполнил стаканы. Опять выпили. Сергей с опаской поглядывал на Арахова – он трезвый еле ехал, а теперь как – до первого столба? Поняв его мысли, Арахов серьезно сказал:

– Я не пьянею.

– Точно, – оскалился в улыбке Валерон, разминая окурок в пепельнице. – Пьет как верблюд. Добро на говно переводит.

– Ха-ха. Валерон, не на говно, а на мочу! Водку на мочу! – заржал Колян. Вдруг, сощурившись, сказал Сергею: – Китайцы удавить тебя могут.

– Да, – согласился с братом Валерон. – Город у нас маленький – два миллиона жителей всего. О Драконе многие слышали. Он или среди своих – китайцев, или в другом городе уже.

– Мне все равно, где он, – в городе точно есть люди, ко-

торые его сдадут.

– Ты, агент, с корейцами потрещи. Они тебе помогут – все-таки соплеменник, – посоветовал Валерон.

– Потрещу, – согласился Сергей.

Арахов и правда не пьянел, а вот Сергей – изрядно. Он пил алкоголь очень редко, да и то легкий – сухое вино или пиво, а тут сорокаградусная водка, да еще ударными темпами и лошадиными дозами!

«Как я это выдержу?!» – думалось отрешенно. Ноги стали ватными.

Такое ощущение впервые он испытал много лет назад, еще юнцом, только отслужившим в армии, еще до поступления в институт. Так случилось, что судьба забросила его в Казахстан, в Алма-Ату, к родственникам по материнской линии – Ивановым. Был теплый ноябрь, очень теплый – кругом зелень, не похоже на ноябрь в России, он жил у тети, одинокой пожилой затворницы, яростно, до безумия верующей в Бога, потому в доме не было телевизора, и его, чтобы он не скучал, взяли с собой в гости дети тети – уже взрослая пара. Что там они отмечали? Не так важно, но таким молоденьким мальчиком он был один, остальные взрослые и даже пожилые. Хозяин, полковник в отставке, сразу проникся к Сергею симпатией: «Мы с тобой военные люди, не то что эти не служившие хлюпики!» Все порывался вызвонить дочку, ровесницу Сергея, чтобы познакомить их, но та тусовалась со своими и не собиралась домой, на скучную «старческую»

вечеринку, ради какого-то заезжего юнца. «Ну что ж, – резюмировал полковник, – тогда пойдем пить! У меня такой замечательный самогон! Личной выработки! Правда, мутный и вонючий!» Самогон действительно оказался мутным, вонючим, еще и теплым, но пился легко, и Сергей не пьянел, а когда попытался встать из-за стола, чтобы сходить в туалет, неожиданно подняться не смог – ноги стали ватными и отказали... Он помнил то странное ощущение, и все за столом одобрительно смеялись – все проходили через это в свое время... «Опять такая же дрянь», – подумал Сергей, глядя на веселых братьев в креслах, потных, говорящих громко, с каким-то восторгом они что-то вспоминали с Араховым, что-то очень им вместе близкое. А Сергей уже не понимал происходящего... Суперагент! Нажрался в хлам в первый же рабочий день! И как отсюда он будет выбираться?

Александра Андреева, красавица и умница, проснулась в номере скромного отеля в Суздале не оттого, что выспалась, а оттого, что ее нагло разбудили в десять утра, разбудили звонком из Москвы. Она еще раз, выслушав, посмотрела на свой смартфон – он, изверг, все испортил. Хотя сама виновата – хотела же отключить вчера перед сном. Почему не отключила? Кого ждала? Она застонала и повернулась на живот, уткнулась лицом в подушку. Срочно вызывают в управление. Вот же невезуха! Человек поехал в отпуск, все согласовал, – нет, звонят: ах, Саша, ты срочно нужна... Вот как на-

звать этих людей? Нет никакой возможности спокойно провести отпуск. Законный отпуск, положенный, согласно трудовому кодексу... Конечно, если бы она отдыхала за границей, они бы ее не достали, эти монстры, но за граница для сотрудников спецслужб России, тем более такого ранга, давно была закрыта, иначе, в связи со сложной политической обстановкой, отдыхала бы ты, Саша, не в этом красивом заповедном Суздале, среди прекрасных русских древностей, а в американской тюрьме, и отдыхала бы долго, лет двести... Ладно, черт с ними! Все равно отпуск получился немного пресноватый. Конечно, для иностранцев все здесь экзотика, и древняя старина, и приметы не такой уж древней советской истории вроде серпов, молотов и красных знамен... Для гостей из других стран и самовар в диковинку. А Саша все это видела, и экскурсии, и музеи, и городки эти провинциальные, полусонные... Хорошо, что погода удачная выдалась, не слякотная, да и в номере тепло, сухо, вода в ванной горячая. Если честно, то жалко, что не попался интересный мужик среди отдыхающих. Ей подошел бы этакий мачо, чуть постарше, но именно чуть – а чего? Ей еще и тридцати нет, ей старикашка не нужен. Некоторым – главное, чтобы богатым был, хоть и старикан. А Саше зачем богатый? Без надобности! У нее, вон, папа – известный художник! Не просто известный, как говорят в узких кругах, а модный, востребованный, и выставляется всюду, и работы его нарасхват, заказчики в очередь выстраиваются. Так что она не хухры-мух-

ры девочка. Деньги у папы есть, так что о деньгах беспокоиться не нужно, папа деньжат подкинет, в случае крайней нужды. И сама она не человек с улицы – начальник группы в суперсекретном секторе ФСБ – Особом специальном управлении. Так что был бы мужик нормальный... Не олигарх и богате́й-предприниматель, а просто нормальный мужик... Мужик... Парень. Сейчас даже бывалых мужиков, если он свободен, почему-то зовут парень. «Кто твой парень?», «Как твой парень?»... А парню за полтинник перевалило! Ужас!

Она повернулась на спину, снова приложила смартфон к уху (абонент понимал ее негодование и был терпелив), спросила с досадой:

– И что, мне прямо сейчас выезжать?!

Она резко села, потом спустила ноги с кровати, зацепила ими изящные тапочки с загнутыми носами, встала, посмотрела на журнальный столик между двумя креслами с разброшанными на нем платьями: собиралась сегодня вечером наведаться в местный ночной клуб – выпить martini и потанцевать.

Голос в трубке не оставил вариантов:

– Да, прямо сейчас выезжай. Время дорого, Александра Сергеевна.

Глава ОСУ неожиданно смягчился:

– Что, нарушили твои планы, Саша? Хотела потусить?

Александра пожала плечами, хоть начальник и не мог это-

го видеть, но молчала, выдержала паузу: мол, да, хотела.

Начальник продолжил:

– Прямо езжай в управление, никаких «заскочу домой на минутку»! Поняла?

– Да.

– Жду тебя.

– А что случилось?! – Александре стало жалко себя до отупения (что за жизнь, в самом деле, в кои-то веки вырвалась в отпуск?!).

– Саша, ты выпившая? – удивился начальник в трубке. – Дак еще очень рано... От вчерашнего не отошла?

– Нет, не выпившая. – Александра возмутилась (что за намеки?!), но поправилась: – Еще нет.

– Глупые вопросы по телефону задаешь. Расслабилась? Короче, прыг-скок в мой кабинет. Кстати, твои парни по тебе очень скучают, говорят, нет того настроения без начальницы... Хе-хе-хм... Просили тебе передать. Ладно, жду. Выезжай срочно. Все.

В смартфоне запикали гудки.

Ждет он! Парни скучают. Потерпите! Парни. Два дуrolома, ее подчиненные – капитаны Загин и Купчик, обалдуи страшные. Скучают они. Ишь ты! А она вот нет! Она с обидой посмотрела на свои платья, которые специально выбирала дома для этого отпуска, вот они, няшечки, самые-самые, взяла одно – черное, короткое, с полосой, приложила к себе, посмотрела в высокое зеркало встроенного шкафа –

хороша! Она в таком платье замечательно погудела бы этим вечером и, наверное, может быть, очень, очень даже может быть, попалась бы в сети к какому-нибудь заезжему молодому, высокому, крепкому и упругому соблазнителю! Ну, или местному, высокому, крепкому и упругому... Какая ей разница?!

Она еще раз посмотрела на себя в зеркало. Очень красивая. Только вот одна всю жизнь. Не в смысле родни – эти не то что достали, а супер достали. А вот без любимого мужчины – ласкового, доброго, умного и красивого! Обязательно красивого! Все говорят, мол, для женщины внешность в мужчине не важна – лгут. Даже скажем по-простонародному: «Врут, негодяи!» Внешность очень важна! Важна и для женщины, и для мужчины!.. Вот ее капитаны в отделе оба за ней увиваются, оба холостые, оба красавцы (каждый по-своему)... А она им: «Нет!» – хотя, в душе, они ей очень и очень нравятся... Конечно, роман на работе – это не тема, но все равно, куда приятнее в постели отрываться с упругим привлекательным самцом, чем с рыхлым, пожилым папиком...

Александра снова посмотрела на свое отражение в зеркале. К чему эти мысли, эти рассуждения? Все равно ни молодого мускулистого мачо, ни рыхлого папика нет даже на горизонте. А время идет, и на этот отпуск у нее были планы что-то поменять в своей никчемной личной жизни... А надо снова мчаться на службу, всю себя отдавать родине... А что ей от этого, что? Уже не раз задавала себе такой вопрос.

Что взамен? Льготная ипотека? Повышенная зарплата? Дак у гражданских чиновников ее ранга, обычных канцелярских крыс, она больше, и места у них престижнее. Бюрократия. Они этим кичатся. Перед ними преклоняются... Почему она здесь до сих пор, если так часто задает себе эти вопросы?

«Не нравится – увольняйся, а не ной!» – это внутренний голос, он резкий и противный. Никогда его не любила. У других внутренний голос добрый, родной, а у нее такой вот, почти визжащий. А как хорошо, когда внутренний голос тебя понимает. Александра вдруг вспомнила анекдот от Юрия Никулина (она любила выступления и рассказы знаменитого русского клоуна и киноактера, всегда застывала перед телевизором, когда показывали старые записи), в котором внутренний голос все подзуживал мужика отыгаться в казино, даже уговорил обменять на фишки обручальное кольцо. Незадачливый герой даже поставил по совету внутреннего голоса последние деньги на черное, а когда выиграло красное, то внутренний голос искренне расстроился: «Ах, как же жестоко я ошибался!»...

Александра усмехнулась – лезут же в голову дурацкие мысли! Ну, вызвали на службу, и что теперь, испереживаться?! Может, просто вызвали, на пару дней. И она вернется и свое наверстает. Она наверстает! Ох наверстает!

Всего через несколько часов она будет уже в Москве, на работе, там все и узнает...

Александра в отпуск поехала на своей машине – раз недалеко от Москвы, зачем мудрить, коли есть свои колеса. Это была ее вторая машина, тоже не новая, тоже «Хюндай-Соната». Первую подарил отец, когда она успешно поступила на службу в ФСБ. Ее, ту старенькую, но такую уютную машинку убабахали злодеи, устроив покушение на молодого принципиального дознавателя – бомбу подложили! Это после Красноярского дела, когда она раскрыла череду убийств на таежной базе, только дело тем не кончилось, и в Москве потом разборок хватило! И лишилась Александра Сергеевна своей любимой машинки, и очень по ней тосковала. Хорошо, что папа – модный и богатый художник. Отец только попенял, что профессия у доченьки очень уж опасная, но денег на новую машинку дал. Эта «соната» была новее первой, но Александра всегда вспоминала ту, первую. Наверное, это нормально – вспоминать первых...

Доехала без приключений и, что особенно приятно, без пробок. Показалось даже приятным прокатиться по хорошей дороге, по хорошей погоде да с хорошей скоростью. Приехав в управление, Александра сразу к начальству не пошла, заглянула в родной кабинет. Капитаны Загин и Купчик были на месте – с неподдельным интересом смотрели по монитору компьютера через Интернет старый фильм о проделках Доктора Зло.

– О, начальница! Как отдыхается?! – заулыбались капитаны, не меняя позиций: Александра числилась в отпуске и

была не опасна – не имела морального права делать замечаний, мол, что это за расслабуха в отсутствие руководителя?!

Александра ухмыльнулась:

– С вами отдохнешь! Как же!

– Так ты без нас пыталась отдохнуть! Вызвали?

– Вызвали срочно. В чем дело? Вы в курсе?

– Ни сном ни духом! Мы кто? Рядовые невидимого фронта. Это ты у нас великая и могучая. Та, которая все видит, все знает, всех побеждает!

– Ха-ха! Загин! Смейся, смейся... ладно, мне нужно свою папочку взять. В стол мой не лазили?

– Никак нет. Он заперт.

– Вам замок вскрыть... С вашими-то талантами!

– Нет, честно... Даже денег не тронули, что в ящике!

– Все-таки лазили, – вздохнула Александра. – Что искали?

Шкодливые, как коты!

– А что за деньги? Взятка?

– Нычка. – Александра посмотрела на скромную стопочку купюр в ящике стола, забрала от греха подальше. – Все, я их забрала, мои денежки.

– Мы к деньгам равнодушны, ты знаешь, начальница.

– Вот вернусь из отпуска, шкуру спущу!

– Ой-ё-ёй... Ты сначала вернись...

– Нет, парни, вот как с вами бороться? – возмутилась Александра. Она начальница, в самом деле, или место пустое – лежат в креслах, кино смотрят, никакой реакции на

ее появление. Удоды!

– А чё? Мы тебя любим!

В это время на экране был кульминационный по напряжению эпизод фильма. Маленький и лысый Доктор Зло, прищурив глаза и сузив губы, по телемосту шантажировал президента и правительство США:

«Если вы не переведете на мой тайный счет охренеллиард долларов, я сброшу ядерную бомбу на Вашингтон!!!»

В правительстве удивились:

«Что это за число? Нет такого числа!»

Сидевший в кабинете Доктора сын (не с кем было оставить дома) скромно подтвердил:

«Папа, нет такого числа: охренеллиард!»

Доктор Зло обернулся к сыну, сказал сдержанно:

«Раз пришел, сиди и не мешай. Не видишь? Папа работает!»

Потом снова направил свое внимание на правительство США:

«Так вот, если вы не переведете на мой счет...»

– Зря вы это смотрите. И так все ясно, – заявила Александра подчиненным.

– А что? – отвлекся Купчик. – Саша, давай с нами. Прикольный фильм.

– Что прикольного? Мне уже все известно.

– Фильм видела? Дак и мы его раз сто смотрели.

– Я не о том. Вы же должны мыслить логически, слов-

но Шерлоки Холмсы. Доктор Зло обещал взорвать Вашингтон, если ему деньги не переведут. Вашингтон целый. Значит, деньги ему перевели.

– О-о-о! А может, Доктора обезвредили.

– Доктора Зло обезвредить невозможно! – Александра развлекалась.

Капитаны расплылись в улыбках. Они любили пошутить. Так и работали с растянутом ртом до ушей по жизни. Два жизнелюбца.

Александра помахала растопыренной пятерней:

– Удачного просмотра. Я – к главному!

Александра покинула кабинет и отправилась к начальнику. Генерал был на месте. Принял Александру сразу.

– Садись, Александра Сергеевна. К своим заходила уже?

– Да.

– Работают?

– В поте лица.

– Хорошие ребята.

– Да, хорошие. Но они не в курсе, зачем меня вызвали.

– Ты же знакома с Серёжей Ли?

– Да, пересекались.

– Его мы отправили на Дальний Восток. Вот возьми эту папочку, ознакомься. Там все, что и как.

– Мне с капитанами готовиться к отправке? – прямо спросила Александра.

– Нет, с этим подождем. Просто ознакомься.

– Можно дома ознакомиться? Я только приехала.

– Конечно. Ты же в отпуске... Но из города не отлучайся!

Александра кивнула (само собой!). Хороший у нее отпуск, интересный... Так их всех рас-так!..

* * *

Помотав нервы в московских пробках (успели подсобраться, пока побывала на службе), Александра добралась до дома в тихом центре, в котором она по-прежнему проживала вместе с папой и мамой. Александра зашла в квартиру.

– Мама, я дома!

Шикарная многокомнатная квартира в добротном кирпичном доме с метровыми стенами, высокими потолками с лепниной и дубовым паркетом походила на музей. Антикварная мебель, живопись от икон до русского авангарда, китайские вазы, бронзовое литье... Очень красивая, чрезвычайно элегантная... клетка, золотая тюрьма для Сашиной матери... Саша не понимала, почему и как получилось, что мать долгие года пребывала в страхе. Ее не радовал успех отца, его популярность, благосостояние семьи. Она была одержима идеей, что успешный и красивый муж непременно бросит ее и она останется одна среди дорогой рухляди, никому не нужная, потратившая свою жизнь зря. Свою тревогу она пыталась усмирить алкоголем...

– Мама! – позвала Александра.

Мать вышла из своей комнаты, словно призрак, – в белой ночной рубашке, волосы распущены.

– Саша, это ты? – и пошла в туалет, словно лунатик.

Александрю словно холодной водой окатили. На душе стало совсем паршиво. Не дали отдохнуть в отпуске, а дома – ад... Лучше бы в командировку! Она стремительно прошла в свою комнату, села на широкую двуспальную кровать, раскрыла папку, что выдал ей начальник управления... Так, Ольга, дочь Хэн Хана. Так, братья Акашины. Группировка Кима... Александра развела в стороны руки и рухнула спиной на постель... А послать бы все на хрен! Пусть все сядут на такой огромный грязный корень из земли, с отростками и волосками... На хрен! Пора ей съезжать с родительской квартиры, снять какую-нибудь студию в лофте. Пусть отец оплатит. Вот где он? Что, мать разве зря злится? Она тоже внезапно разозлилась на отца. На его легкость, светскость, любовь к тусовкам, яркому окружению. Тусуется среди богачей и молодых баб... Урод... Она его любит, но урод... Зачем так мать мучает? Она мать любит, и его любит... А ей, Андреевой Александре Сергеевне, давно пора жить отдельно, самостоятельно. Она замечательный сотрудник контрразведки ФСБ, она как танк и ядерная ракета, но в повседневной жизни все еще не самостоятельная девушка. Ее легко обидеть... Она слабая девчонка... Ей нужен мужчина. А она никому не нужна – ни мужчинам, ни матери, ни отцу. Сейчас позвонит ему, пусть скинет на карту тысяч двести –

триста, и она не скажет ему, для чего ей эти деньги... Любишь дочь – давай деньги! До чего ж надоело все! Вот просто до визга!

Она набрала номер отца. Занято. Снова набрала. Занято. Удод... Только о себе думает.

Она выбрала в меню телефона режим СМС, набрала отцу: «Срочно сбрось двести тысяч рублей – я уезжаю в командировку», тут же поняла – перебор с суммой. Ну, пусть тысячу тридцать хоть скинет – деньги, они всегда нужны. Исправила в СМС сумму на тридцать тысяч.

Отправила и отключила телефон.

А если срочный звонок из конторы?

Пошли они все на три буквы!

– Сашка! – из-за двери в коридоре заорала мать. – Сашка, выходи! Кормить тебя буду! Выходи!

– Отстань, – тихо пробурчала Александра.

– Сашка! Выходи!

Ведь не отстанет...

Александра открыла ноутбук, лежавший тут же, на кровати, открыла почту – если вызовут, то вызов придет и на электронную почту. А говорить с отцом, что-то объяснять, – ну нет у нее сил. Даст денег? Папа добрый. Папа даст. А может, и не даст. Он, когда выпивший, – жадный. Нахлещется шампанского на своих фуршетах и становится нудным, отвратным... Зачем тебе тридцать тысяч? Тебе какое дело? Надо! Народил дочь – плати! Так ему!

Александра встала с кровати, осмотрела свою комнату, – словно номер в дорогой гостинице, все такое добротное, дорогое, а словно и не ее, – пошла к двери, открыла, вышла в коридор. Мать стояла немного отупевшая от выпитого – было видно по ее лицу.

– Привет, ма. – Александра улыбнулась.

– Сашка, пойдем, кормить тебя буду.

– Пойдем.

– Отец тебе не звонил?

– Нет.

– Вот урод.

«Оба вы уроды. Моральные», – подумала Александра...

Сергей проснулся утром в квартире Арахова на диване. Голова ныла, сердце отчаянно долбило в грудную клетку изнутри, и очень сильно хотелось пить. Жажда была просто отчаянная! Боже, за что? За что ему такое испытание? Он же спортсмен, ведущий здоровый образ жизни. Вот он и вышел боком, этот образ, – не привыкший к крепкому алкоголю организм не на шутку отравился! Сейчас только лежать в болезненном покое и не шевелиться, и за пару дней он переработает отраву. Надо пить и пить жидкость – холодную, чистую воду. Она принесет облегчение, принесет избавление от жажды! Боже, какой сушняк! Так, кажется, это называется... Алкаш... Сергей пытался вспомнить, как они покинули офис братьев и как добрались домой, ничего не вспомнил, а

от усилий стало еще хуже, хотя казалось бы – некуда. Он еще секунду смотрел на стену в обоях, потом с болью в мышцах и голове перевернулся на другой бок.

Лёнчик был бодр, словно совсем не пил вчера, расхаживал по залу в звездно-полосатых семейных трусах, о чем-то размышляя. Выглядел очень деловито.

– Ты где спал? – спросил Сергей, морщась: голова вскипела болью от его собственного голоса.

– С тобой на диване.

– Со мной? – Сергей ужаснулся. Он никогда в жизни не спал рядом с женщиной на одном спальном месте.

– А где? – Арахов искренне удивился его реакции. – На полу жестко и холодно.

Вдруг всохотнул с восторгом:

– Ха-ха, да ты не бойся – корейцами не интересуюсь. Не веришь? Встань, пройдишь: если бы я тебе свой впихнул – неделю бы стонал от боли. Ха-ха.

– Ну тебя, – обиделся Сергей.

– Как чувствуешь себя? Ты вчера здорово надрался. Помогал тебе идти к машине. Братьям это понравилось. Шутили, мол, хлипкого суперагента из Москвы прислали в наше болото. Не жилец!

– Иди ты!

– Ха-ха-хэ-хы... Чё, сушняки давят?

– Да, выпил бы ведро холодной воды.

– Газировки?

– Просто воды.

– Как говорил философ: кто не пил водки, тот не знает вкуса воды! Очень точно подмечено! Вода не имеет вкуса, но какая она обалденная на вкус с похмела!

– О-о, – застонал Сергей, пряча лицо в подушку. Потом резко сел. – Не говори про воду. Я и пить хочу, и ссать хочу одновременно.

– И холодненький компресс на лобик. А я люблю с перепоя именно газированную воду.

Не минералку, с ее всякими солями там, а простую чистую холодную газированную воду. Очень бодрит. Или рассол. Огуречный, капустный или от маринованных помидоров.

– По тебе не скажешь, что ты можешь болеть с перепоя.

– Это я трещу, что не пьянею. Я обычный человек. Простой сотрудник, а не суперагент, как ты. Чё, вам прививок не делают от опьянения?

– Нет таких прививок. Не существует.

– Плохо. А вот в фильмах про британского агента 007, Джеймс Бонд пьет и не пьянеет, и баб дерет массово так, скопом. Налупится вина, виски, шампуся, и давай баб шпарить. К нам бы его заслали, я бы поймал его и проводил научные эксперименты: поил немерено и заставлял трахаться, и все это записывал в специальный журнал, а утром воды из-за сушняков не давал.

– Лёня, – вдруг Сергея посетило озарение, – а таблетки от

похмелья у тебя нет?!

– Есть, – с готовностью отозвался Арахов. – Я такую таблетку уже выпил.

– А мне почему не предложил?

– Ты же суперагент!

– Все равно, хочу таблетку.

– Без проблем. На кухне, на столе упаковка. Холодная вода в холодильнике, в бутылках. Есть газированная, есть простая.

– Ты ангел.

– Я подготовленный. Я часто общаюсь с такими субъектами, как братья Акашины, и, к сожалению, употребление крепкого алкоголя при таком общении норма...

После таблетки, растворенной в стакане воды, и еще одного стакана воды, и после контрастного душа в ванной Сергей у зеркала чистил зубы и комбинировал. Визит к братьям дал не много – он выяснил, что Ольга была не вьетнамской рукой в администрации Сергеевска, а человеком портовой группировки. Еще – она не могла вернуться к отцу: с ним у нее крутая ссора. Как и планировалось изначально, теперь требовалось побывать в корейской общине и отсечь ее от китайцев, а потом... потом уже приниматься за выходцев из Поднебесной. Всех китайцев под одну гребенку не расчленишь – часть хотела стать реальными россиянами, часть делала здесь деньги, чтобы потом вернуться в родной Китай, а часть были космополитами – они не признавали ни Россию,

ни Китай, ни противостояния Китая с Тайванем, а лишь собственные корыстные интересы. Вот эти последние и могли «приютить» Дракона.

Он вздохнул: Арахов сказал, что корейцы, после их визита к портовой братве, сами выйдут на Сергея, значит, кто-то у братьев «работал» на корейских криминалов и деловых. И это вскоре прояснится...

Подкрепившись жареной картошкой, поехали к корейцам.

Арахов объяснил, что «пахан» корейцев, шестидесятидвухлетний Сашка Ким, по утрам тусовался в своем ресторане у городского рынка.

– Пьет кофе капучино. Это такое...

– Знаю.

– Ты знаешь, что такое капучино? – Арахов надул щеки, потужился, потом расслабился. – Не получилось.

– Что ты хотел?

– Бзднуть на весь салон.

– Зачем?

– Чтобы ты понял, что врать нехорошо.

– Правильнее выразиться – лгать.

– Ты будешь учить меня русскому языку? – искренне изумился Арахов.

– Конечно. Кто я? Русский кореец. А ты? Обыкновенный татарин. Сам сказал.

– Ха-ха-ха-ха-ха!!! А ты злопамятный... Вы, азиаты, все такие, коварные и злопамятные.

– Ты не смейся. Ты лучше скажи: почему трусы купил американские?

– Понравились! У меня еще есть трусы, все долларами изображенные.

– Доллары, Лёня, должны быть в кармане, а не нарисованные на трусах.

– Мудрая мысль. Но, как говорится, чем богаты.

– Это флаг возможного агрессора, нашего постоянного противника.

– Я же не на груди его ношу, а на жопе.

– Тормози-и!

У бетонного забора рынка среди деревьев Сергей заметил странную возню. Четверо парней-азиатов метелили длинноволосую блондинку. Девка закрылась руками, но побои сносила молча. Это был, судя по всему, или наглый грабеж среди бела дня, или разборка на низшем уровне в сексуальном бизнесе. Однако что бы это ни было, Сергей решил вмешаться. «Приора» с разворота врубил тормоза и юзом подлетела к обочине. Получилось круче, чем у профессиональных водителей, пожелай они так притормозить специально.

– Уф-ф... – Арахов, бледный, виновато заулыбался.

Сергей толкнул дверцу и прыгнул на улицу. На шум парни обернулись. Удар, еще удар – Сергей, не давая опомниться, глушил злодеев; через пять секунд против него остался один

противник, остальные корчились на земле. Девка плакала, закрывая лицо.

– Тихо! – Китаец выхватил из-под пиджака пистолет и направил в лицо Сергею. – Убью!

Улыбаясь, Сергей развел руки. Он сейчас разглядел, что девка, из-за которой он ввязался в драку, тоже китаянка – длинный парик соломенного цвета съехал набок. Все-таки здесь была разборка сутенеров с проституткой.

– Эй, ты! Волыну убери! – из-за спины Сергея, заорал Арахов.

Китаец испугался и вдруг выстрелил в сторону Арахова.

– Блин! Сергей метнулся в сторону. Арахов, ругаясь, спрятался за своей машиной. Парень с пистолетом, нервно корчась, схватил девку за шею, дернул на себя и приставил пистолет к ее голове.

– Тихо! Тихо всем! – заорал он визгливо.

Его подельники, отирая разбитые физиономии, отряхиваясь, поднялись на ноги. Они не собирались шутить – у каждого в руке вдруг оказалась короткая арматура с резиновой ручкой. И снова завизжали тормоза. Сергей оглянулся. Широкий БМВ, чуть не влепившись в зад араховской «приоре», разом раскрылась – из всех дверей полезли боевики-азиаты, в пиджаках и с пистолетами.

Бах! Бах! Бах!

Шквал огня обрушился на китайцев. Парень с пистолетом, пробитый пулями, дергался, отлетая к забору. Уже

мертвый, он стрелял куда-то в небо. Другие китайцы бежали. Сергей лежал, вжимаясь в землю. Девка визжала пронзительно, на всю округу.

– Успокойся! – Боевики схватили девку за руки и поволокли к машине.

В затылок Сергею уперся ствол пистолета. «Зачем я полез в эту заварушку?»

– Ты тоже! Вставай!

Его рывком поставили на ноги, нагнули голову и толкнули в салон – он упал на чьи-то колени, упершись лицом прямо в задницу китайянки, лежавшей тут же и рыдавшей. БМВ, ревя двигателем, сорвался с места.

– Стой! Стой! Эй! – различил Сергей крик Арахова.

– Утихни! – И вдогонку грянул выстрел:

– Бах!

Сергей втянул в себя воздух, вместе с пряным запахом неподмытой девки. Неужели убили Арахова? Нет, забавлялись – вслед за выстрелом неудержимо понесся смех.

Отсмеявшись, сразу заговорили не по-русски. Вьетнамцы! Сергею невозможно было пошевелиться. Все тело его болело, сжатое со всех сторон. «Терпи», – твердил разум, но тело отказывалось. Он пошевелился.

– Лежи спокойно.

БМВ встал. Сергея толкнули. Он с готовностью рванулся назад и вывалился в открытую дверь на грязную землю. Следом полезла девка, чуть не ударив Сергея в лицо каблуком.

Боевики вышли, подхватили Сергея за воротник куртки и повели к открытым воротам автостоянки. Где он находился, Сергей понятия не имел. Высокий забор скрывал длинное одноэтажное здание с узкими окнами. Девке надавали по щекам и увели в маленькую дверь под вывеской «Автомойка». Сергея же, молча подталкивая в спину, направили к железной двери, рядом с которой по оштукатуренной стене мелом были выведены иероглифы и русский перевод: «Спортзал».

Сергей вошел в темный узкий коридор. Его провели мимо приваленного к стене старого бильярдного стола – в ногах прыснули в дыру в стене две серые крысы. За поворотом коридор уперся в ажурную стеклянную дверь. Шедший впереди боевик отворил дверь, и Сергей оказался в освещенной красными фонариками комнате. Сергей с удивлением огляделся – убранство комнаты было в юго-восточном стиле: шелковые драпировки с золочеными драконами и стеблями бамбука, высокие фарфоровые вазы на полу, подушки, плетеные циновки. В темном углу в кресле под балдахином из тяжелого шелка с золочеными кистями сидел худой мужчина-вьетнамец с надменно сжатым ртом. Один из боевиков подошел к хозяину комнаты и что-то сказал ему на ухо. Тот хрипло засмеялся и коротко взмахнул маленькой рукой. Все боевики быстро вышли.

– Хе-хе-хе. Вступился за китайскую проститутку? Но ты же не китаец. И не кореец.

– Что? – Сергей не понимал, кто с ним говорит и каков

СМЫСЛ ЕГО СЛОВ.

– Ты не кореец. Ты сын Хо Цуна. Ты вылитый Хо Цун в молодости.

– Кто вы?

– Я Хэн Хан, отец молодой женщины, которую ты ищешь.

– Я Сергей Ли, агент Особого специального управления ФСБ.

– Наслышан. Ли, да-да – это тот летчик. Я помню его. Ему нравилась Зина. Как мы тогда говорили, Зи-На. Мы тогда плохо говорили по-русски. Хе-хе.

– Вы знали мою мать? – Сергей шагнул к хозяину вьетнамской мафии.

– Знал. Она работала в больнице, которая обслуживала наш сельский округ. В нашей деревне была эпидемия лихорадки. Русские врачи творили чудеса. Особенно Зи-На. Она отпаивала нас лекарствами, колола шприцом – не брезговала лечить изможденных крестьян. Мы очень любили и уважали нашу Зи-Ну. Значит, она вышла замуж за летчика... – Хэн Хан задумчиво покачал головой.

– Вы сказали, я похож...

– А-а, вот ты уже и забыл о моей дочери. Хе-хе. Ты молод, Серёжа. Но я говорю правду, не пытаюсь мутить твои мысли в мозгу. Ты вылитый Хо Цун. На прошлой неделе я был во Вьетнаме, ездил закупать наш знаменитый рыбный соус «нюок мам» для своих ресторанов. Был в родной деревне. Хо Цун постарел. Да, а тогда... давно... он был начальником

деревни. В деревнях у нас были учреждены коммуны, и они долго у нас держались, как у вас колхозы и совхозы. Хо Цун был нашим начальником. Нужно было много рису. У Вьетнама было только два богатства – дружба с русскими и рис. Да... Зи-На спасла нас от смерти – половину деревни, это точно. Все мужчины в деревне, узнав, что наша Зи-На отработала свой контракт и возвращается в Москву, скинулись и купили ей в подарок очень дорогой сервиз из фарфора. Хо Цун, от имени деревни, преподнес его в подарок твоей матери, но она отказалась: она была очень молода и думала, что это нехорошо – принимать подарки от спасенных больных. Тогда мы пригласили ее к нам в гости. У нее был отлет через четыре часа, но мы сказали, что она нас очень обидит, если откажется от приглашения. Начальство разрешило Зи-Не посетить нашу деревню. Мы ехали в автобусе через поля, где созревал рис – богатый урожай. Мы остановили автобус и стали пить водку – за наши поля, за урожай, за Зи-Ну. Зи-На тоже пила, и так упилась, – Хэн Хан, усмехаясь, кивнул, – что уснула. Мы сначала не заметили, что Зи-На спит, – пили рисовую водку, говорили о своем все разом и вдруг видим: дурак Че Шо – деревенский мальчишка – задрал платье нашей Зи-Ны, снял ее трусики и жадно пользуется ею. Мы оплоумели – мы прогнали мальчишку и сами, торопясь, ругаясь из-за очереди, сближались со спящей Зи-Ной. Мы были пьяны, Серёжа, и Зи-На была так прекрасна – белая женщина, почти богиня. Незабываемые минуты. Я помню их до сих

пор.

Сергей смотрел в упор на ухмыляющегося вьетнамского мафиози, силясь понять – правду он говорит или несет чушь, блефует, чтобы сбить его, запутать... Он говорил невероятное, но... Мысли роились, мешались в клубок... Кровь прилила к щекам.

Хэн Хан, глядя пустыми глазами в сторону узкого окна, продолжал вспоминать:

– Только Хо Цун возмутился, заорал и стал мешать нам. Да... Мы здорово поколотили его. Каждый недолюбливал начальника деревни – вот и всыпали ему за все обиды. А потом, чтобы он нас не выдал, и его заставили сблизиться с Зи-Ной. Его семья пробило оборону... Ты сын Хо Цуна, Серёжа. Хе-хе... Так это было. А летчик, значит, все-таки женился на ней... Мы привезли пьяную и спящую Зи-Ну в русский поселок в назначенное время. Представитель, отпустивший Зи-Ну, очень ругался на нас, обзывал свиньями, кричал, что его доброта может погубить его карьеру. Да... А сервиз мы передали ему и сказали, что это подарок Зи-Не.

Сергей смотрел в пол. Вот тайна его рождения, вот почему отец Ли бросил мать, когда сроки беременности не совпали! И этот сервиз...

Хэн Хан повернул лицо к Сергею.

– Я велел своим людям найти тебя, чтобы высказать просьбу: когда найдешь мою дочь Ольгу, скажи ей, что отец очень, очень хочет помириться. Пусть живет как хочет, но

относится ко мне по-прежнему – с дочерней любовью, как в детстве...

– Значит, вы не знаете, где она?

– Мы несколько лет не общаемся.

– Почему?

Хэн Хан развел руками.

– Она стыдится моего бизнеса. Ей лучше иметь отца, гнувшего спину за черствый кусок...

– Ваши люди убили человека...

– Когда? – Хэн Хан удивился, но тут же смягчился, заулыбался. – Этого не доказать. Да и был ли человек? Незаконный эмигрант.

Сергей резко спросил:

– Я могу идти?

– Иди. Только не забывай – и моя частица есть в твоей крови.

– Не забуду. Как имя того человека?

– Хо Цун.

Сергей решительно толкнул дверь и пошел прочь по коридору – его никто не удерживал.

Хэн Хан самодовольно посмеялся. Задумался на минутку, по его лицу блуждала мечтательная улыбка. Тихонько позвал:

– Лан Джи!

Из-за шторы выскользнула изящная молодая женщина с выражением скуки на лице, вопросительно приподняла одну

бровь. Хэн Хан затеребил пояс своих свободного края штанов. Женщина неспешно подошла, словно пританцовывая, медленно опустилась на колени возле ног мужчины, провела ухоженным ноготком по шву промежности вверх и вниз, потом еще раз. Хэн Хан нетерпеливо заворчал. Она порочно улыбнулась и потянулась к завязкам его штанов.

Сергей сидел на лавочке у автобусной остановки. «Приора» Арахова лихо затормозила у бордюра. Арахов, толкнув дверцу, крикнул:

– Живой? Садись!

Сергей покорно влез в машину. Арахов выжал сцепление.

– Я уже навел справки: люди Хэн Хана.

– Хэн Хан сказал, что не видел дочь несколько лет. Просил, когда найдем Лан Джи, передать его просьбу о примирении.

– Не видел много лет? Свистит, старый щегол, как дышит. – Арахов оскалился в усмешке. – Этого козла видели в Уссурийске, в ночном баре за столиком со своей дочкой в марте этого года. Они коротко о чем-то поговорили и разошлись.

– Ага, значит, многое, что он мне поведал по собственной инициативе, может быть чистейшей воды туфтой... Поехали в управление, хочу сделать срочный запрос.

– Открыто в управление?

– А зачем скрываться? Я работаю явно – все знают, что я

из Москвы приехал Дракона Любви искать.

– Дракона Любви. Ха-ха. – Арахов засмеялся. – Наверное, сейчас драконит дочку Хэн Хана... Они могут быть связаны.

– Кто?

– Хэн Хан и Дракон.

– Почему?

– А почему Хэн Хан солгал тебе?

«Приора», набрав скорость, неслась по второй полосе. Арахов, пуча глаза, еле успевал выжимать звуковой сигнал: «Пи-и! Пи-и!»

– Сбрось скорость. Угробимся! – забеспокоился Сергей.

– А? Что? А-а...

Арахов пришел в себя, убрал ногу с педали газа. Машина стала успокаиваться. Завернув к управлению ФСБ, Арахов почти профессионально вырулил на парковочную площадку и вогнал машину в тесный ряд. Затормозил он с опозданием – «приора» стукнулась колесами о бордюр, и оба пассажира как следует встряхнулись.

– Приехали.

– Разбабахаеть ты свою машину, Лёня, с такой ездой.

– Я научусь, Ли.

– Зови меня Сергей.

– Ли более звучно. Суперагент Ли Отважный разыскивает злого шпиона.

– Выходим, Арахов Невыносимый. По спецканалу Сергей сделал запрос в ГРУ о прошлом главара дальневосточной

вьетнамской преступной группировки Хэн Хана. Ответ пришел незамедлительно.

Хэн Хан не проявлял своей незаурядности вплоть до начала изменений в политике коммунистической партии родной страны – в это самое время идеи рыночных реформ легли на благоприятную тропическую почву Социалистического Вьетнама. В страну получили доступ западные туристы и бизнесмены. Хэн Хан жил в родной деревне, еле сводя концы с концами. Супруга его умерла, а подраставшая дочь Лан Джи приносила больше неприятностей, чем радости, – она бегала в рисовые поля к молодым парням, и ее не раз видели в однозначно объяснимых ситуациях. Но однажды случилось так, что приезжие французские туристы застали Хэн Хана с дочерью на окраине деревни. Французы (два толстяка с красными руками) показали Хэн Хану деньги и стали расспрашивать о сомнительных удовольствиях в их краю. Кроме банальной проституции, предложить было нечего. Но французы были горазды на выдумку. Узнав, что Лан Джи родная дочь приветливого вьетнамца, они попросили Хэн Хана, за хорошую плату, потешить их извращенную похоть: они предложили Хэн Хану совокупиться с Лан Джи. Хэн Хан возмутился, но Лан Джи, увидев деньги, скинула одежду: «Отец, я уже давно женщина, какая разница, кто со мной сольется в очередной раз! Зато у нас будет много денег!» Хэн Хан не устоял: нищета вселяет ад в души людей. Он овладел Лан Джи. Туристы, все тщательно снимавшие на ви-

део, очень довольные, щедро расплатились и уехали в Ханой. Хэн Хану было стыдно, он стал бояться дочери, избегал ее, а когда говорил с ней, не смотрел в глаза. Но через трое суток французы вернулись, снова заплатили деньги, и Хэн Хан пользовал дочь уже со спокойным сердцем. Потом были другие туристы – из Франции, Бельгии, Германии. Прилюдные соития, помимо денег, уже приносили Хэн Хану извращенное удовольствие. Односельчане долго не могли выпытать у Хэн Хана, что такого находили иностранцы в доме скрытного хитреца. Доходы Хэн Хану скрыть не было возможности, и, напившись пьяным, он разболтал тайну опустившимся от пьянства и бедности приятелям. В следующий приезд иностранцев потешали уже четыре семьи. В Ханое стали поговаривать о появлении в джунглях «деревни извращенцев». В Европе, в клубах определенного толка, из уст в уста передавалась молва о новом вьетнамском аттракционе – отцы пользуют дочерей, а потом уступают их туристам.

«Прибыльный бизнес» прекратили не спецслужбы или борцы за нравственность, а «новые вьетнамцы». В деревню примчались пять джипов «Лендкрузер», мускулистые суровые парни, в джинсовых майках, с бамбуковыми палками в руках, обыскав хижины, согнали на площадь все население и быстро выявили «виновных». Хэн Хан и его дружки получили по сотне палок – избитые, они были брошены в сточную канаву, а их дочерей в назидание всем остальным увезли в Ханой для занятия «честной» проституцией.

Через два месяца Хэн Хан окончательно оправился от побоев; продав дом и нехитрый скарб, он отправился в Ханой искать дочь. Мытарства по трущобам и притонам трехмиллионного города оказались не напрасны – Лан Джи «работала» в притоне у реки. За неутомимость в любви она получила прозвище Ханойская Дырка. Притон охранялся боевиками Чхук Пына – одного из ханойских авторитетов. Хэн Хан дал знать дочери, что он в городе. Только через неделю Лан Джи удалось бежать. Но оставаться в Ханое было нельзя – Чхук Пын не терпел непокорности, Хэн Хана и Лан Джи ждала мучительная смерть в случае поимки. Боевики Чхук Пына привязывали казнимых к земле, из которой уже тянулись ростки бамбука, и за ночь тела несчастных пронзались молодыми стеблями насквозь.

Добравшись до Хайфона, отец и дочь решили бежать из страны – у Хэн Хана еще оставались сбережения от прежних заработков в деревне. Дешевле всех брались вывезти тайных эмигрантов россияне: за три тысячи долларов Хэн Хан с дочерью в трюме сухогруза «Петропавловск» в компании сотни подобных себе беглецов доплыли до Дальнего. Здесь была большая вьетнамская община – главарь вьетнамцев Нгу Енг взял Лан Джи (теперь Ольгу) себе в наложницы, а Хэн Хана пристроил в свой ресторан. Год за годом Хэн Хан был покорен, исполнял для Нгу Енга щекотливые поручения, заводил знакомства среди вьетнамцев, русских, корейцев, китайцев, со всеми был приветлив и учтив, все знали Хэн Ха-

на как расторопного и верного слову человека. Ольга родила Нгу Енгу ребенка. Размякший Енг, боясь налоговой полиции, переписал свои рестораны на верного Хэн Хана. И тут Хэн Хан сбросил маску. Во главе группы подонков он ворвался в дом Нгу Енга и устроил резню – убили Енга, всю его охрану, прислугу и младенца. Ольгу Хэн Хан выволок за волосы на улицу: «Теперь ты свободна, дочка! А я богат! Теперь будут подстраиваться под нас, и тебе уже не придется продавать свое тело и душу!» – «Ты убил моего ребенка!»

– Что? – Арахов отвлекся от сосредоточенного курения сигареты, хотя в кабинете висела предупреждающая табличка.

Сергей сидел за монитором компьютера и читал выведенную на экран монитора информацию.

– Представляю, каково ей было, этой Ольге, – дед убил внука... Значит, они и правда в ужасной ссоре, и братья Акашины тогда-то взяли Ольгу в оборот.

– Может, Ольга не любила своего ребенка, родила-то она его не по собственной воле – она была бессловесной наложницей Нгу Енга, который вдруг проникся к ней чувством и пожелал иметь от нее детей.

– Здесь пишут – после гибели Нгу Енга контактов между Лан Джи и Хэн Ханом не замечено.

– Это у них написано, а я тебе говорю – засекали их!

– Ты чего тут куришь?! Вон табличка – «Не курить»! По-английски написано. Для кого?

– Наверное, для английских шпионов. Наши все здесь курят. Для чего здесь пепельница?

Сергей только сейчас обратил внимание на пепельницу, давно не мытую. Арахов пояснил:

– Велели повесить табличку – повесили. Здоровый образ жизни все пропагандируют из Кремля. Кто не курит и не пьёт, тот здоровеньким помрет. Но помрет же. Все равно помрет. А у нас, у контрразведчиков, работа, в основном, мозговая. А мозгу удобнее работать в комфорте. А раз человек курит, привык курить, ему просто хочется покурить, когда мыслишь, мозгуешь, анализируешь. Вот и курят, несмотря на табличку. Думают, запрет объявили, и все покорились. Фиг вам! Как сказал один знаменитый артист: пить буду, курить не брошу... А что случилось, когда Горбачёв объявил антиалкогольную кампанию в СССР? Чё, бросили пить? Страна развалилась.

– Ты что так взвился? – удивился Сергей. – Я просто спросил.

– Все узнал, что хотел? Поехали отсюда.

Из информационного отдела УФСБ поехали обедать в центр города.

– Почему не домой? – ныл Арахов, выворачивая руль.

– У меня мысль свербит в голове, что сегодняшняя встреча не последняя. Из-за меня у боевиков Хэн Хана вышла стычка с китайцами. За мной должны следить.

– Кто?

– И вьетнамцы, и корейцы, и китайцы. Как только я окажусь в укромном помещении кафе за столиком, ко мне подсядут.

– Подсядут, если ты за столиком будешь один.

– Да.

– А я? Я жрать хочу. Когда я сытый, я охотнее служу родине.

– Заворачивай к тому книжному магазину. Вон, купишь себе палку шашлыка и потусуешься у книжных прилавков, а я подожду связных...

«Приора» прижалась к тротуару. Аккуратно утопив все штырьки дверных замков, Арахов демонстративно потянул носом ароматы, исходящие из открытых дверей кафе, и, подбросив ключи на ладони, пошел в Краевой книжный центр. Сергей отправился в кафе.

В полутемном зале за многочисленными столиками гомонили посетители, в основном студенты. Официантка в красном переднике торопливо разносила заказы – пиво, салаты, пельмени, супы, закуски. Сергей присел за второй столик от двери, заказал стакан горячего какао. Есть совершенно не хотелось, но от сырости, исходящей от весеннего моря, он совершенно продрог. Он пил неторопливо какао, оглядывал посетителей. Нет, не правильно он рассудил, что именно в общественном месте на него выйдут люди одной из мафиозных группировок. Выжидая, он утрачивает инициативу – выйдут на него представители диаспор, не выйдут. Надо са-

мому искать встречи. Надо торопиться: Дракон Любви не на печи валяется, он рыщет в Дальнем, выведывая государственные секреты.

Сергей допил какао и пошел в книжный магазин. Арахов у книжного развала задумчиво листал толстенную книгу в глянцевом переплете.

– Что так скоро? – спросил, не отвлекаясь от чтения.

– Интересная книга?

– А... про индейцев. Чингачгук Большой Змей, бледнолицые, Верная Рука. – Арахов захлопнул книгу и вернул ее на место. – Я вот думаю: индейцы давали имена в соответствии с чертами характера... А Чингачгука звали Большой Змей.

– Вредный был дядька, пакостил много.

– К тебе никто не подошел?

– Нет. Зря я начал вилять... Ждать. Неожиданная встреча с Хэн Ханом не должна была отвлекать от намеченного плана. Мы собирались поговорить с боссом корейцев Кимом, значит, должны ехать к нему в ресторан.

– Сережа. Сашка в своем ресторане бывает утром. Как ты помнишь, он пьет там кофе капучино.

– Что ты предлагаешь?

– Я? Ты ведущий агент, ты и предлагай.

– Я залетный орел, а ты местный. Тебе карты в руки. Не хочется день терять. Дракон Любви не дремлет.

– Хорошо. Давай покатаемся, подумаем, куда-нибудь заедем, поговорим. Но, перво-наперво, я все-таки пожую.

О'кей?

Сергей остался сидеть в машине, пока Арахов набивал свое брюхо в зале кафе. Сергей то и дело поглядывал на свои наручные часы.

Арахов вернулся, ничего не говоря, завел машину и поехал.

– Куда? – спросил Сергей.

– Так, заскочим в пару мест. Посмотрим, что из этого выйдет.

К сожалению, ничего не вышло, и день, грубо говоря, пропал. Но Арахов не унывал:

– А ты не гони волну, Серёга! Тебе надо пройти акклиматизацию, обдумать все и просто осмотреться. Дело уже к вечеру. Поедем на набережную, там посидим в ресторанчике. Виды хорошие. Расслабимся перед основным рывком. Завтра найдем Сашку Кима. Как я тебе говорил...

– Да, да... Он пьет по утрам в своем ресторане капучино.

– Ха-ха! Запомнил. Молодец. Едем.

Неожиданно завибрировал и разразился трелью смартфон в кармане Сергея – не тот, что выдал ему Арахов, а его личный, домашний. Он извлек аппарат: звонили из конторы. Что-то рано. Арахов удивился:

– А у тебя телефон ничего себе, почти как мой!

– Я же суперагент.

– А что взял бюджетный еще? Думаешь, два телефона – это круто?

– Тот здесь, этот – для внешних разговоров.

– Не ответишь?

– Из родного управления звонят. Видимо, думают, что мы уже поймали Дракона!

– Ха-ха! Ну, они почти правы. Мы почти взяли след.

– Почти. Ладно, тормози, выйду поговорю. У Сергея потребовали максимально полную информацию, какой он уже обладал. А какой он обладал? Рассказал, что почерпнул из бесед за столь короткое время. Вернувшись в машину, сказал Арахову:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.